

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ/HISTORY OF PHILOSOPHY

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.161.40>

КОНЦЕПЦИЯ «МЕСТОРАЗВИТИЯ» КЛАССИЧЕСКИХ ЕВРАЗИЙЦЕВ И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ В УЧЕНИИ Л.Н. ГУМИЛЕВА

Научная статья

Исаева О.С.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0002-2771-3049;¹ Пензенский государственный университет, Пенза, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (okcana_isaeva[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена классическому евразийству — одному из оригинальных направлений философии русского зарубежья и учению Л.Н. Гумилева, в чьих взглядах идеи евразийцев получили свое продолжение. Анализируется содержание понятия месторазвития как одного из основополагающих и для евразийской философии, и для концепции Л.Н. Гумилева. Рассматриваются трактовки месторазвития евразийскими мыслителями — П.Н. Савицким, Г.В. Вернадским, Н.С. Трубецким — и проводится их сопоставление с точкой зрения Л.Н. Гумилева. Трансформация понятия месторазвития в интерпретации Л.Н. Гумилева является развитием идей классиков евразийства в области не гуманитарных, а естественных наук. Мыслитель обосновывает целостность России-Евразии как особого месторазвития с этнической позиции.

Ключевые слова: классическое евразийство, Л.Н. Гумилев, месторазвитие, вмещающий ландшафт, Россия-Евразия.

THE CONCEPT OF 'DEVELOPMENTAL PLACE' AMONG CLASSICAL EURASIANISTS AND ITS TRANSFORMATION IN THE TEACHINGS OF L.N. GUMILEV

Research article

Isaeva O.S.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0002-2771-3049;¹ Penza State University, Penza, Russian Federation

* Corresponding author (okcana_isaeva[at]mail.ru)

Abstract

The article is devoted to classical Eurasianism, one of the original movements in Russian émigré philosophy, and to the teachings of L.N. Gumilev, whose views continued the ideas of the Eurasianists. The paper analyses the concept of developmental place as one of the fundamental concepts of both Eurasian philosophy and L.N. Gumilev's concept. The interpretations of developmental place by Eurasian thinkers — P.N. Savitsky, G.V. Vernadsky, N.S. Trubetskoy — are examined and compared with the point of view of L.N. Gumilev. The transformation of the concept of developmental place in L.N. Gumilev's interpretation is a development of the ideas of the classics of Eurasianism in the field of natural sciences rather than the humanities. The thinker substantiates the integrity of Russia-Eurasia as a special developmental place from an ethnic perspective.

Keywords: classical Eurasianism, L.N. Gumilev, developmental place, enclosing landscape, Russia-Eurasia.

Введение

Евразийское течение оформилось в 1921 г. в Софии, когда был издан первый совместный сборник трудов его основоположников: экономиста и географа П.Н. Савицкого, культуролога и лингвиста Н.С. Трубецкого, богослова и философа Г.В. Флоровского и искусствоведа П.П. Сувчинского. Возникнув как оригинальное самобытное пореволюционное направление философии русского зарубежья, евразийство смогло многих заразить, как выразился Г.В. Флоровский, «евразийским соблазном», хотя сам мыслитель быстро отошел от евразийского движения [1, С. 237]. Идеи классических евразийцев воодушевляли многих и впоследствии в ряды евразийских мыслителей входили философ Л.П. Карсавин, правовед А.А. Алексеев, лингвист Р.О. Якобсон, историк Г.В. Вернадский и др. Но чаще отношение современников к евразийству носило негативный оттенок и было критическим. Тем не менее классическое евразийство просуществовало почти до конца 1930-х гг., что во многом можно объяснить высоким профессиональным уровнем и огромным творческим потенциалом входивших в это течение мыслителей. Широта их научных взглядов стала основой для создания многогранного и междисциплинарного евразийского учения, особого теоретического синтеза различных научных отраслей, нашедшего выражение в понятии россиеведения, единой «картины системы» России-Евразии, в основе которой находится географический фактор [2, С. 56-57].

Актуальность настоящего исследования заключается в том, что поднятые классическими евразийцами вопросы и проблемы, касающиеся социального и государственного устройства России-Евразии как особого целостного мира, не потеряли своей значимости и для современной России. Классические евразийцы видели Россию единым и сильным государственным целым, закладывая основы целостности нашей страны в учение о месторазвитии. Уже в послевоенные годы воззрения классиков евразийства вновь актуализируются в начале в учении этнолога и географа Л.Н. Гумилева, названного «последним евразийцем», а затем после распада СССР в концепциях неоевразийских авторов [3], [4]. Сегодня обращение к философскому наследию евразийцев и Л.Н. Гумилева может дать определенные

ориентиры в обосновании единства российского государства и может способствовать духовному единению народов нашей страны.

Л.Н. Гумилев развивает взгляды евразийских мыслителей и именно синтетический образ России-Евразии, созданный классическими евразийцами, во многом станет основой его учения. Историко-географический синтез евразийцев Л.Н. Гумилев обогатил, связав его с естествознанием. В его учении, как и у классических евразийцев, прослеживается определяющее значение географического фактора в роли элемента системообразующего, задающего изначальную целостность Российско-Евразийского мира. Цель данного исследования заключается в раскрытии специфики концепции месторазвития в классическом евразийстве и в учении Л.Н. Гумилева, в сопоставлении их взглядов. Новизна проведенного исследования состоит в использовании системного подхода к изучению концепции месторазвития в философии классических евразийцев и Л.Н. Гумилева, в установлении преемственных связей между ними в вопросе обоснования единства России-Евразии.

Результаты исследования и обсуждения

Л.Н. Гумилев, являясь основоположником этнологии, устанавливает посредством этой науки четкие нерушимые взаимосвязи жизни народов с ландшафтами. Мыслитель опирается на евразийскую концепцию месторазвития, по-своему развивая и трансформируя ее.

В научный оборот понятие месторазвития ввел П.Н. Савицкий, ставший близким для Л.Н. Гумилева человеком в процессе двенадцатилетней переписки между ними. П.Н. Савицкий оказывал Л.Н. Гумилеву поддержку, направлял его, но вряд ли, как справедливо отмечает М. Ларюэль, можно говорить о том, что они оба разделяли в то время общие взгляды, сходились в своих научных позициях [5, С. 9-10]. Л.Н. Гумилев и П.Н. Савицкий не были основательно знакомы с концепциями друг друга, да и «позднеевразийскому» учению Гумилева только еще предстояло сформироваться.

Трактуя понятие месторазвития классические евразийцы, в частности, П.Н. Савицкий, основываются на утверждении о том, что Евразия, объединенная в виде России, является цельным миром — Россией-Евразией и предстает как «особый географический мир» [6, С. 279]. Вместе с этим евразийцы определяют Россию-Евразию и как особенный исторический мир, как мир целостной евразийской культуры. Понятие месторазвития является понятием синтетическим и включает в себя понимание социально-исторического мира, включающего в себя человека, его быт и его духовный мир, в его взаимосвязях с географическими условиями обитания населяющих его людей. Согласно П.Н. Савицкому, месторазвитие представляет собой такое общежитие, где люди приспосабливаются друг к другу и к окружающей их среде, а также приспосабливаются к себе и саму среду. Мыслитель утверждает, что любая человеческая среда всегда «находится в своей неповторимой географической обстановке», поэтому любое хозяйство, село, город являются месторазвитиями [6, С. 284]. Большие месторазвития включают в себя меньшие. Так, Россия-Евразия является месторазвитием, соразмерным Европе, но оба они входят в месторазвитие земного шара как месторазвитие всего человечества. Таким образом, согласно П.Н. Савицкому, категория месторазвития дает возможность существования геософии как новой отрасли, утверждающей синтез исторических и географических начал. Именно посредством этого понятия в обществоведение вводится «в истинном смысле слова географический элемент» [6, С. 284].

Евразийские мыслители показали, что месторазвитие, как единое историко-географическое органическое целое, являет собой особую целостность и в культурном контексте, формируя при этом этническое единство. П.Н. Савицкий полагает, что расовые признаки и сами расы в определенных случаях являются принадлежностью месторазвития. Месторазвитие создает, формирует и «вращивает» расу, но и раса также определяет свое месторазвитие, преобразует его. Культурные традиции при таких условиях как бы сращиваются с географическим ландшафтом, образуя особый культурно-исторический тип. Таким образом, месторазвитие представляет собой единое социокультурное историческое географическое пространство, в котором формируются свои правовые, политические, хозяйственные, языковые и этнические особенности [7].

Г.В. Вернадский, характеризуя категорию месторазвития, отмечает что «географические особенности Евразии во многом предопределили ход исторического развития русского народа» [8, С. 10]. Также подчеркивая изначальную пространственную целостность месторазвития и связь географической среды с живущими в ней человеческими общежитиями, ученый делает акцент на историческом аспекте. П.М. Бицилли точно подмечает, что, по мнению Г.В. Вернадского, «"месторазвитие" также принадлежит к истории», как и сам народ» [9, С. 49]. Н.С. Трубецкой, характеризуя категорию месторазвития, отмечал, что оно должно представлять собой особый мир — самодовлеющее (автаркическое) месторазвитие, населенное «совокупностью народов», связанных друг с другом не расой, а общностью исторической судьбы, т.е. целостность, рассматриваемая в социально-историческом ее аспекте, в ее становлении и развитии и в единстве с ее географическими параметрами. Таким образом, классические евразийцы полагают месторазвитие культурным, пространственным и временным целым.

Л.Н. Гумилев, изучая процесс этногенеза, вслед за евразийскими мыслителями также утверждает постоянную взаимосвязь народов и ландшафтов. Но мыслитель использует понятие месторазвития лишь в последних своих работах, обычно употребляя термины «вмещающий» или «кормящий» ландшафт [10, С. 51]. Как и евразийцы, Л.Н. Гумилев полагает, что географический ландшафт оказывает принудительное воздействие на организмы и заставляет их «варьировать в определенном направлении, насколько это допускает организация вида» [11]. Виды, которые не могут приспособиться либо переходят на другой ландшафт, либо вымирают. Гумилев также отмечает, что вмещающий ландшафт определяет и сам характер культуры складывающейся народности. Но не только ландшафт влияет на этносы, народы тоже воздействуют на ландшафты. Вывод, к которому приходит мыслитель, заключается в том, что для динамического состояния любого этноса общим признаком является «способность возникшей популяции к сверхнапряжениям» [11]. «Сверхнапряжения» могут проявляться или в преобразовании этносом природы, или в миграциях, которые также связаны с изменением ландшафта, но на других, вновь освоенных территориях, или же с

повышенной интеллектуальной деятельностью. Подобную способность Л.Н. Гумилев рассматривает в аспекте биологии как этногенетический признак, появляющийся в результате мутации, как и все другие признаки.

Под месторазвитием Л.Н. Гумилев понимает ландшафт, представляющий собой «участок земной поверхности, качественно отличный от других участков, окаймленный естественными границами и представляющий собой целостную и взаимно обусловленную закономерную совокупность предметов и явлений, которая типически выражена на значительном пространстве и неразрывно связана во всех отношениях с ландшафтной оболочкой» [12, С. 215-216]. Соотнося это понятие с процессом этногенеза, Л.Н. Гумилев утверждает, что месторазвитие обязательно должно быть областью, включающей в себя стыки ландшафтных регионов, в нем должны сочетаться два и более ландшафтов, например, тайги и тундры, степи и леса. Именно на территории месторазвития может образоваться новый народ, именно в них протекает жизнь суперэтнических образований, как целостности, включающие в себя народы, образованные от одного импульса, в одном регионе и в одну эпоху.

Как и его предшественники, Л.Н. Гумилев выделяет как особое месторазвитие Евразию — одно из месторазвитий Евразийского континента, являющееся этногеографической целостностью, населенной народами, адаптированными к ее ландшафту и, в свою очередь, изменившими и его под свои потребности. Л.Н. Гумилев подробно исследует процессы возникновения, развития и гибели разных этносов, приводя его в зависимость от энергии живого вещества биосферы — пассионарности. В Евразии мыслитель прослеживает как пассионарные подъемы и образования новых этносов, влекущие за собой интеграцию и экспансию новой системы Евразии, так и пассионарные спады, когда великие державы рушатся, возникают мелкие княжества и орды, выполняющие функцию государств.

Заключение

Таким образом, концепция месторазвития в учении Л.Н. Гумилева является развитием идей евразийских мыслителей. Опираясь на понятие вмещающего ландшафта как взаимодействие этносов с природной средой, Л.Н. Гумилев прочно связывает понятие месторазвития с процессом этногенеза. Созданный классическими евразийцами синтез наук он дополняет науками естественными. Так же, как и у классических евразийцев, месторазвитие выступает основой для обоснования целостности России-Евразии. Но если у евразийских мыслителей месторазвитие выступает изначальным фундаментом единства России-Евразии как геополитического образования, в рамках которого уже оформляется и общность исторических судеб народов, и евразийская культура, и евразийский национализм, и языковой союз, и автаркическое целое, то у Л.Н. Гумилева это понятие подчеркивает и в первую очередь обосновывает целостность Евразии как месторазвития с позиции этнической.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Флоровский Г.В. Евразийский соблазн / Г.В. Флоровский // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. — Москва : Наука, 1993. — С. 237–266.
2. Логовиков П.В. Научные задачи евразийства / П.В. Логовиков // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. — Париж, 1931. — Кн. 7. — С. 53–63.
3. Гумилев Л.Н. Заметки последнего евразийца / Л.Н. Гумилев // Наше наследие. — 1991. — № 3. — С. 19–26.
4. Isaeva O.S. Classical Eurasianism Variations During the Second Half of the 20th and Early-21st Centuries / O.S. Isaeva // Utopía y Praxis Latinoamericana. — 2020. — Vol. 25. — № Extra10. — P. 354–367. — DOI: 10.5281/zenodo.4155672.
5. Ларюэль М. Когда присваивается интеллектуальная собственность, или О противоположности Л. Н. Гумилева и П. Н. Савицкого / М. Ларюэль // Вестник Евразии. — 2001. — № 4 (15). — С. 5–19.
6. Савицкий П.Н. Континент-океан / П.Н. Савицкий // Континент Евразия. — Москва : Аграф, 1997. — С. 279–294.
7. Исаева О.С. Обоснование целостности и единства Российско-Евразийского мира в социальном проекте классического евразийства / О.С. Исаева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Научно-практический журнал. Гуманитарные науки. — 2014. — № 1 (29). — С. 109–120.
8. Вернадский Г.В. Начертание русской истории / Г.В. Вернадский. — Москва : Алгоритм, 2008. — 336 с.
9. Савицкий П.Н. В борьбе за евразийство / П.Н. Савицкий // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. — Париж, 1931. — Кн. 7. — С. 1–52.
10. Маслин М.А. Эволюция евразийской идеи / М.А. Маслин, А.А. Лупова // Русское зарубежье: История и современность : сборник статей. — Москва : РАН. ИНИОН. Центр комплексных исследований российской эмиграции, 2014. — С. 17–75.
11. Гумилев Л.Н. Этнос и ландшафт / Л.Н. Гумилев // Доклады Географического общества СССР. — 1968. — Вып. 3. — С. 193–202. — URL: <http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article91.htm> (дата обращения: 26.08.2025).
12. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. — Санкт-Петербург : Кристалл, 2001. — 638 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Florovsky G.V. Yevraziiskii soblazn [Eurasian temptation] / G.V. Florovsky // Rossiya mezhdru Evropoj i Aziej: Evrazijskij soblazn. Antologiya [Russia between Europe and Asia: The Eurasian temptation. Anthology]. — Moscow : Nauka, 1993. — P. 237–266. [in Russian]
2. Logovikov P.V. Nauchnye zadachi evraziystva [Scientific Tasks of Eurasianism] / P.V. Logovikov // Tridcatye gody. Utverzhdenie evraziycev [The Thirties. The affirmation of the Eurasianists]. — Paris, 1931. — Book 7. — P. 53–63. [in Russian]
3. Gumilev L.N. Zametki poslednego yevraziitsa [Notes of the Last Eurasian] / L.N. Gumilev // Nashe nasledie [Our heritage]. — 1991. — № 3. — P. 19–26. [in Russian]
4. Isaeva O.S. Classical Eurasianism Variations During the Second Half of the 20th and Early-21st Centuries / O.S. Isaeva // Utopía y Praxis Latinoamericana. — 2020. — Vol. 25. — № Extra10. — P. 354–367. — DOI: 10.5281/zenodo.4155672.
5. Laryuel M. Kogda prisvaivaetsya intellektualnaya sobstvennost, ili O protivopolozhnosti L. N. Gumileva i P. N. Savitskogo [When intellectual property is assigned, or On the opposites of L. N. Gumilev and P. N. Savitsky] / M. Laryuel // Vestnik Yevrazii [Eurasia Bulletin]. — 2001. — № 4 (15). — P. 5–19. [in Russian]
6. Savitsky P.N. Kontinent-okean [Ocean continent] / P.N. Savitsky // Kontinent Evraziya [The Eurasian continent]. — Moscow : Agraf, 1997. — P. 279–294. [in Russian]
7. Isaeva O.S. Obosnovanie tselostnosti i yedinstva Rossiisko-Evraziiskogo mira v sotsialnom proekte klassicheskogo yevraziystva [Substantiation of integrity and unity of Russian-Eurasian world in the social project of classical Eurasism] / O.S. Isaeva // Izvestiya visshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Nauchno-prakticheskii zhurnal. Gumanitarnie nauki [University proceedings. Volga region. Humanities]. — 2014. — № 1 (29). — P. 109–120. [in Russian]
8. Vernadsky G.V. Nachertanie russkoi istorii [The Outline of Russian History] / G.V. Vernadsky. — Moscow : Algoritm, 2008. — 336 p. [in Russian]
9. Savitsky P. N. V bor'be za evraziystvo [In the fight for Eurasianism] / P.N. Savitsky // Tridcatye gody. Utverzhdenie evraziycev [The Thirties. The affirmation of the Eurasianists]. — Paris, 1931. — Book 7. — P. 1–52. [in Russian]
10. Maslin M.A. Evolyutsiya yevraziiskoi idei [The evolution of the Eurasian idea] / M.A. Maslin, A.A. Lupova // Russkoe zarubezh'e: Istoriya i sovremennost' [Russian Diaspora: History and Modernity] : collection of articles. — Moscow : RAN. INION. TCenter for Comprehensive Studies of Russian Emigration, 2014. — P. 17–75. [in Russian]
11. Gumilev L.N. Jetnos i landshaft [Ethnicity and landscape] / L.N. Gumilev // Doklady Geograficheskogo obshchestva SSSR [Reports of the Geographical Society of the USSR]. — 1968. — Issue 3. — P. 193–202. — URL: <http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article91.htm> (accessed: 26.08.2025). [in Russian]
12. Gumilev L.N. Etnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and the Earth's biosphere] / L.N. Gumilev. — Saint-Petersburg : Kristall, 2001. — 638 p. [in Russian]